

Л. А. Дашкевич

ИИиА УрО РАН, г. Екатеринбург

ОБРАЗ УРАЛА В ТРУДАХ Н. А. ФИРСОВА

Николая Алексеевича Фирсова, одного из основателей уральского краеведения, трудно назвать провинциальным историографом. Окончив в 1855 г. историко-филологический факультет Главного педагогического института, он начал свою карьеру в Перми в качестве учителя мужской гимназии. В 1859 г. перевелся в Казань, где продолжил гимназическую службу, одновременно начав читать курс всеобщей истории в Казанском университете. В состав преподавательского корпуса Казанского университета Н. А. Фирсов был включен в 1862 г., после написания магистерской и докторской диссертации он стал экстраординарным (1869), а затем ординарным профессором (1870) русской истории. В 1872–1875, 1881–1884 гг. Н. А. Фирсов был проректором университета¹.

Краеведческие труды Н. А. Фирсова, характеризующие Пермский край и условия развития в нем образования, относятся к середине XIX в. В 1858 г. он издал в Санкт-Петербурге «Очерк воспитания девиц в Пермской губернии»², а в 1859 г. вместе с Д. Д. Смышляевым подготовил к изданию «Пермский сборник», в первом номере которого опубликовал свою статью «Открытие народных училищ в Пермской губернии»³ (эта работа получила высокую оценку известного критика-демократа Н. А. Добролюбова). В своих статьях Н. А. Фирсов указывал, что Пермский край имеет «свой, особенный от обитателей многих других стран России характер», что обусловлено условиями колонизации этого огромного пространства. По мнению учителя, в ходе колонизации «пермское народонаселение» сложилось из соединения двух элементов – русских и местных «народцев» (финских и татарских). «После двухвековой почти борьбы Азия уступила Европе в лице русских право на обладание богатым краем и хребтом Уральским и через него открыла дорогу в Сибирь влиянию русских».

В ходе этой борьбы, по мнению историка, «на почву Пермского края» легли «незавидные гражданские качества», которые принес сюда «бродячий класс Средней Руси» – казачество, «гулящие люди». «Этот класс народонаселения, – пишет Н. А. Фирсов, – во время родовых усобиц Рюриковичей переходил с одного места на другое по своей воле, служа орудием то тому, то другому князю для родовых их целей. После того, как все княжества Восточной Руси собрались около Москвы в одно целое, в государство, естественно, этот класс стал противогосударственным началом, злом, от которого правительство стремилось избавиться.

Понятно, что был долгое время орудием других, этот класс уже в силу этого обстоятельства, т. е. в силу служения не для защиты или охранения того или другого нравственного или политического принципа, а для прибытка, разгула, возможности жить на чужой счет, был проникнут растлением нравов, чужд всякого понятия о долге христианском, полон предрассудков, стремлений животных, стремлений к интересам только материальным, но вместе с тем приобрел непобедимую никакою силою отвагу, смелость в предприятиях и дерзкую решимость в их исполнении. Такой-то класс народа устремился в восточную полосу нынешней России и, следовательно, в Пермский край, когда с усилением Москвы тесно и небезопасно стало ему жить в Средней Руси на чужой счет; людей этого рода, понятно, влекла туда одна корысть, одна жажда жить без большого труда, разгульно»⁴.

Надежды эти, однако, не сбылись. Московское правительство объявило покоренное пространство своею собственностью и прикрепило «гулящий народ» к земле богатых промышленников или к казенным вотчинам. Над ним был поставлен многочисленный класс служилых людей, моральные качества которых Н. А. Фирсов тоже оценивал не слишком высоко: «... читая акты XVII и XVIII вв., относящиеся к Пермскому краю, современный нам человек с ужасом видит потрясающие сцены невежества, безнравственности, низости, эгоизма; всевозможные пороки, кажется, находили приложение в тогдашнем пермском народонаселении. Вообще приходишь к заключению, что у людей господствовавшего отдела народонаселения на первом плане была корысть, материальный расчет, в уважение которому приносилось в жертву все, что есть лучшего в человеке. И кто занимал такое место, где безнаказанно мог иметь хороший корм, и землевладелец, и помещик ничего не страшился, чтобы получить прибыток. Сознания, что от этого страждет народ, тогда не существовало»⁵.

Характерной чертой всего «пермского народонаселения» Н. А. Фирсов считал «сильно укоренившийся материальный взгляд на жизнь». Это направление «мрака, где правом силы определялось все, где материальные цели были выше всего», по мнению историка, не исчезло в Пермском крае в восемнадцатом столетии и сохранилось, хотя и в меньшем виде, в веке девятнадцатом. Оценивая современное ему состояние пермского общества, Н. А. Фирсов писал: «... в нашем крае нет тех преданий, в силу которых бы оно разграничивалось резко на слои, как это замечается в так называемых дворянских губерниях. Здесь разграничивают людей не предания фамилий, а богатство, или место, дающее материальные средства и значение в обществе»⁶. Прагматический взгляд на жизнь, утвердившийся в Пермском крае, с его точки

зрения, был препятствием для быстрого развития здесь «цивилизации и образованности», даже в высших слоях общества. Настоятельной общественной потребностью в связи с этим учитель считал учреждение женских училищ. «Пусть заведения образуют добрых жен и умных матерей, и тогда, вероятно, найдется сочувствие к делу воспитания, и исправление домашнего воспитания тогда будет возможно. А без этого, полагаем, идеи, сообщаемые и развиваемые современною педагогическою литературою, не скоро привьются к обществу, столь привыкшему жить известным образом, что нужна посторонняя сила, чтобы сдвинуть его с принятой колеи»⁷.

Несбыточной, с точки зрения учителя, была и надежда правительства улучшить русский народ, развивая здоровые начала жизни и воспитания только в малом кружке населения (дворянстве, чиновничестве). Необходимо было воспитывать и образовывать и массу «простолудиннов» (мещан, крестьян государственных, удельных, крепостных, приписных). Описывая нравы низших слоев пермского народонаселения, Н. А. Фирсов характеризует их весьма противоречиво: «... самый поверхностный наблюдатель XVII и XVIII веков увидел бы в нашем мещанском и крестьянском быту множество сторон, ужасающих своею мрачностью и вместе искаженностью человеческой природы, с какою-то мистической преданностью царю, твердою верою, что он отец, земной бог, религиозным воодушевлением, хотя и бессознательным; готовностью работать до пота в лице, без старания, впрочем, уяснить себе цель этой работы, а с готовностью работать так потому, что приказывают, потому что иначе плохо будет; с способностью сживаться с своею долею, вместе с отвагою – хладнокровно встречающую смерть – как-то странно соединялись грубость нравов, доходившая до дикости, унижение своей личности из-за мелких выгод, безусловная вера в разные бредни, пьянство до скотообразия, совершенное равнодушие к общественному делу или, лучше сказать, непонимание его, грубое воззрение на религию, готовность жертвовать честью и всем священным из-за денег и хладнокровное совершение преступления»⁸.

Н. А. Фирсов считал, что местные крестьяне инстинктивно чувствовали всю тяжесть своей гражданской неполноправности и старались от нее освободиться. Часть населения, впрочем, по его мнению, с этим положением смирилась и «впала в какое-то апатическое состояние, под корою только проницательный наблюдатель способен заметить широкий размет натуры; состояние это похоже на состояние потока, когда-то бурного, но который, задержанный на пути плотиною, мало-помалу останавливается, стихает и превращается в стоячее глубокое озеро, ожидая, когда подует ветер и расколышет богатство его воды»⁹. Ожидать

какого-то прогресса в этой среде было сложно. Столь же сложно было придать истинное направление и воспитанию другой части населения, которая в своем стремлении выйти из-под зависимости встала, по мнению Н. А. Фирсова, на ложную тропу: «одни из этого отдела выступили во имя веры и впали в страшный раскол, наименовав себя староверами, другие хотели освободиться прямо, без всяких прикрытий своей цели каким-либо именем и просто стали производить от времени до времени явные восстания против властей и против владельцев, словом, другая часть массы пошла кривыми путями для достижения своей цели, где бесполезно должна была терять свои силы – подобно потоку, который, будучи сдержан в своем бурном течении, не останавливается и, за неимением возможности возвысить своих вод над преградою, несет их в разные стороны, туда и сюда, на погибель себе и всему, что встречается ему на пути»¹⁰.

Выход из сложившегося положения учитель видел в улучшении условий существования массы крестьянского и мещанского населения губернии. «Осуществите идеал школы среди народа, который задавлен деспотизмом, у которого одна забота, как сохранить жизнь свою, не умереть с голода – и не скоро влияние ее отразится на жизнь народа», – писал Н. А. Фирсов¹¹. Необходимым элементом воспитания нравственности у народа он считал развитие образования. В распространении грамотности Н. А. Фирсов видел святое дело, уточняя, впрочем, что он придает эпитет правильного воспитания «только такой грамотности, которая по возможности дает простолыдину понятие об обязанностях в силу человеческого его достоинства, об обязанностях его как христианина и об обязанностях, как члена великой русской семьи»¹².

Оценивая в целом взгляды Н. А. Фирсова, можно отметить их демократический характер. Учитель желал просвещения и улучшения нравственности народа без революционных потрясений и восстаний. В определенной мере взгляды Н. А. Фирсова были близки к историко-софским воззрениям известного русского историка А. П. Щапова. Он был убежден, что «вопрос о воспитании есть вместе с тем вопрос о состоянии и внутреннем быте нашего народа и общества»¹³. Деятельность государства и педагогов, с его точки зрения, должна была учитывать особенности исторического развития территорий, которое накладывало «неизглаженную» печать на устройство быта обитателей, их убеждения, верования, действия. Труды Н. А. Фирсова стали важным этапом открытия своеобразного уклада жизни уральского населения, осознания важности изучения начал местной жизни.

В определенной степени они предвосхитили социально-культурное направление в историко-педагогических исследованиях Урала. «Школа

и народ, общество и воспитание, – писал он, – взаимно действуют друг на друга: и язвы общественные, и поворот народной жизни к лучшему тотчас прокладывают себе дорогу и в школу, и в классную комнату детей отца семейства, и, с другой стороны, тот скромный, не ослепляющий своим блеском, но благодетельный свет, который теплится в школе, несмотря на то, что кругом может быть тьма, и который рачительно поддерживается и мало-помалу усиливается под страдальческою рукою вождей этой школы, разливается незаметно по темным закоулкам мысли и сердца народа»¹⁴.

Примечания:

¹ Краеведы и краеведческие организации Перми. Биобиблиографический справочник / сост. науч. ред. Т. И. Быстрых, А. В. Шилов. Пермь, 2000. С. 276–277.

² Фирсов Н. А. Очерк воспитания девиц в Пермской губернии. СПб., 1858.

³ Он же. Открытие народных училищ в Пермской губернии // Пермский сборник: Повременное издание. Кн. 1. М., 1859.

⁴ Он же. Очерк воспитания девиц в Пермской губернии... С. 21.

⁵ Там же. С. 22.

⁶ Там же. С. 27.

⁷ Там же. С. 73.

⁸ Там же. С. 75.

⁹ Там же. С. 75.

¹⁰ Там же. С. 75.

¹¹ Он же. Открытие народных училищ в Пермской губернии... С. 151.

¹² Он же. Очерк воспитания девиц в Пермской губернии... С. 77.

¹³ Там же. С. 3.

¹⁴ Там же.